

Табачков Олег

авг. 2000

В четырнадцать лет я сделал "ход конем" – перейдя из шахматного кружка в драматический. Это было бесповоротное решение. Правда, я еще исполнял партию Суховей в балете о борьбе с засухой, но только для того, чтобы быть ближе к моей любимой, которая танцевала то ли колосок, то ли василек. И я счастлив был заниматься поддержкой.

Меня же в тот момент поддержала Наталья Иосифовна Сухостав – мой первый театальный педагог, с которой связано много часов счастья. Она была дочерью чешского профессора, читавшего лекции в Саратовском университете. Ее мужа, следователя по особо важным делам, расстреляли за недостаточное количество разоблаченных врагов народа. Когда Наталью Иосифовну выгнали из ТЮЗа, она стала работать в Саратовском дворце пионеров. Из ее драмкружка вышло 160 профессиональных актеров. И мы с тизовцем Володи Красновым на свои кровные поставили нашей наставнице памятник на кладбище.

В том кружке играл я и сказочника в "Снежной королеве", и американского шпиона в детективе "У лесного озера", и жуткого эгоиста в спектакле "Красный галстук" по пьесе Сергея Михалкова... С этой фамилией встретился я потом и во взрослой жизни, когда Никита Михалков пригласил меня в свой фильм на роль Обломова.

До выхода картины я записал на радио главы из этого романа. И самым забавным казусом были письма со всей России после того, как прозвучала глава "Сон Обломова". Слушатели спрашивали, где же этот колхоз, в котором так хорошо живут, просили подсказать адрес.

Фильм "Несколько дней из жизни Обломова" был заметным кинематографическим событием. Мне особенно памятна нью-йоркская премьера, организованная с русским размахом и американской деловитостью. В тот день хлопьями падал снег, как в финале "Ивана Сусанина" в Большом театре. Перед кинотеатром раскатали ковер метров на сто. Когда мы шли к сцене, я по наводке Марины Неёловой обратил внимание на количество каратов в перстнях, серьгах и колье собравшейся публики. Это было что-то фантастическое!

Показ с аншлагом прошел одновременно в двух залах. Потом все зрители охотно пошли на прием в постоянное представительство СССР при ООН. Гостей там особенно не ждали, потому что даже в дни наших национальных праздников туда приходило от силы человек сто. А тут ввалилась такая орава! Ее встретили девочки с тарелочками, полными бутербродов, где количество икринок строго соответствовало посадочной площади. Девочки растерялись. Но не дрогнули ребята из службы безопасности. Они стали быстро таскать коробки со "Столичной". Число коробок явно превышало санитарные нормы. И гости опьянели ну просто в какие-нибудь четверть часа. Мы с менеджером нашего турне Джерри Раппапортом стали обходить ряды гостей. Один из них, кажется Форд-младший, с трудом держась на ногах, сказал: "Олег, ай эм – Обломов!" – и упал. Затем последовало еще несколько падений. Почему-то всем было очень лестно идентифицировать себя с Ильей Ильичом. Но пить не умеют...

Америка – страна больших искушений. Одна женщина там предложила мне любовь, а к ней впридачу – свои миллионы. Она знала о моей мечте создать студию. А один из университетов США пригласил меня на должность "гэст профессора", обещая очень солидные деньги и множество заманчивых благ. Но все это не по мне. Я – русский, несмотря на то, что по крови, текущей в моих жилах, я еще мордвин, украинец и поляк.

А вот куда меня постоянно тянет, так это в Питер. Здесь таким теплом был окружен "Современник" в трудные моменты, когда закрывали "Толого короля", и потом, когда, возможно, мы не очень этого заслуживали. В этом городе нежной души зритель. И в этом городе был знаменитый БДТ, театр Юги Товстоногова. Как-то мы на день вырвались сюда на "Пять вечеров", еще бедными и голодными. Стоим у окошечка администратора:

– Простите, пожалуйста, мы приехали...

Старый администратор отвлекся на телефонный звонок.

– Простите, мы приехали...

– Ну с приездом! – сказал он. И выписал нам пропуск.

Самое скверное, что делается сегодня, это попытка переписывать историю и менять фигуры, в ней зафиксированные. Когда подобное пытаются делать с Товстоноговым, у меня это вызывает брезгливость и сильный протест. Он был один из главных рыцарей театра.

Товстоногов хотел снимать меня в роли Чичикова в телевизионной экранизации "Мертвых душ". Да, видно, не судьба. Мне и Хлестакова единственный раз довелось сыграть только в гостях – в Праге. И это был мой самый оглушительный успех. Одна газета написала: "Табачков вместе с Моцартом может сказать: "Мои пражане меня понимают".

Довольно рано я стал известен в стране благодаря кино. Меня узнавали даже в Казахстане, когда после подавления восстания в Темиртау театр "Современник" был послан туда на культурное обслуживание населения. Всюду меня сопровождала стайка молодых людей. На прощание казачонок лет пятнадцати сказала мне:

– Хороший ты артист, товарищ Табачков, только на бабу похож.

Возможно, это послужило для Олега Ефремова подсказкой при назначении меня на женскую роль в спектакле "Всегда в продаже", где я играл и две мужские роли. Труппа была маленькая. Просто штанов не хватало, надо было как-то выходить из положения.

На недостаток ролей я никогда не жаловался. Но лет пять назад в моей бурной кинобиографии случился перерыв. Мне дали сценарий, в котором народный художник СССР, известный пейзажист, выдвинутый на Государственную премию, совмещает свои художества с тем, что спит с че-

Искусство (журнал к газете "Первое сентября")
- 2000. - авг. (№ 31). -
- с. 16

Олег Табаков

Кот Матроскин на моем месте поступил бы точно так же

тырнадцатилетней девочкой. Моей внучке Полинке было тогда пять лет. Я подумал: боже мой, что ребенок скажет, поглядев на дедушку-идиота. И перестал сниматься, чтобы глаза мои всех их не видели.

Куда приятней озвучивать в мультфильме Кота Матроскина! Эдик Успенский написал талантливую историю, явно опередившую свое время. Его Кот Матроскин – один из первых агитаторов и горланов за новые товарно-рыночные отношения. Для меня в Матроскине объединились характеры моего сына Антона и тестя – отца моей первой жены, добрейшего человека. И получилась смесь душевности с зататками менеджера, который найдет выход из любой ситуации.

Может, и сам я в большей степени, чем многие мои товарищи, был готов к тому "базарному капитализму" с нечеловеческим выражением лица, который мы наблюдаем сегодня. Мне часто помогает в столичной жизни мой хитрый провинциальный ум. К тому же с 1974 года я начал ставить спектакли за границей. Уж тут-то нужно рассчитывать только на себя, все должно быть строго по контракту. Но никакие контракты меня не прельщают, если я вижу бессмысленность моих усилий.

Меня пригласили поставить "Травиату" в Боннской опере. Прилетев в Бонн, я был принят шестидесятилетней примадонной и изложил ей свой замысел. Поскольку героиня оперы неумолимо движется к роковому концу, четыре акта должны были следовать в гамме угасания: цветы одни, цветы другие, третьи... Все было красиво задумано. Выслушав меня, примадонна сказала: что бы вы там ни придумывали, это никого не интересует. А нужно сделать так: темнота, луч света на меня, и я из левой дальней кулисы иду к центру. Это я еще гуманно пересказываю ее идею. Наутро я ланчевал с девушкой пятидесяти одного года – вице-примадонной. После этого я на свои деньги купил билет на самолет, и больше они меня там не видели.

Думаю, Кот Матроскин поступил бы на моем месте точно так же.

Записал Олег СЕРДОВОЛЬСКИЙ

Фото Александра Дроздова-сына

Роль счастливого
избранника
судьбы,
выпавшая этому

любимцу публики,
щедра
на сюрпризы –
от инфаркта
в 29 лет
до радостей
молодого отца
в пенсионном
возрасте

Дай Вам Бог
успех
Михалков